

УДК 930.2(47)“1968/1972”:[94(4)“15/17”+141.133]

*Л.В. Ландина**

ДИСКУССИЯ 1968–1972 ГОДОВ ОБ АБСОЛЮТИЗМЕ: ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ**

В центре внимания автора – дискуссия об абсолютизме 1968–1972 гг., сыгравшая важную роль в советской историографии, однако до сегодняшнего дня не осмысленная в полной мере. Насколько правомерны существующие оценки дискуссии? Почему советские историки не выработали общих решений по проблемам абсолютизма? Было ли это возможно в принципе? В каких областях дискуссия выходила за рамки заявленной проблематики? Какое значение имеют ее итоги для последующего изучения европейского абсолютизма? Ответы на эти и ряд других вопросов, содержащиеся в статье, раскрывают новые аспекты дискуссии 1968–1972 гг. и ведут к пересмотру устоявшихся стереотипов в ее оценке.

Ключевые слова: западноевропейский абсолютизм, российский абсолютизм, методология, дискуссия, советская историография, медиэвистика, концепция «равновесия», дворянство, буржуазия, социальная история.

DOI: 10.7868/S0131878018040074

THE 1968–1972 DEBATES ABOUT ABSOLUTISM: FIFTY YEARS LATER

The author focuses on the 1968–1972 absolutism discussion, which played a significant role in Soviet historiography, but has not been fully understood to this day. Is the present assessment of the debate legitimate? Why did Soviet historians not work out common

* **Лариса Владимировна Ландина** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и музееведения Белорусского государственного университета культуры и искусств (г. Минск). E-mail: larisa-hist@mail.ru

** Автор благодарит заведующего Отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН чл.-корр. П.Ю. Уварова за предоставленную возможность работы с документами архива, а также сотрудников Отдела за помощь в подборе и копировании материалов.

solutions to the absolutism problems? Was it possible at all? In which areas did the discussion go beyond the stated problems? What was the significance of its results for the following study of European absolutism? The answers to these and several other questions contained in the article reveal new aspects of the 1968–1972 discussion and lead to a revision of established assessment stereotypes.

Keywords: West-European absolutism, Russian absolutism, methodology, debates, Soviet historiography, medieval studies, the concept of «balance», nobility, bourgeoisie, social history.

Эпиграфом для этой статьи могли бы послужить известные строки о том, что большое видится на расстоянии. Однако увидеть и понять – вещи разные, не говоря уже о необходимости различных ракурсов и масштабов рассмотрения. К дискуссии об абсолютизме 1968–1972 гг. это имеет самое прямое отношение. Ее результаты всегда оценивались сдержанно-скептически и не раз обесценивались, до сегодняшнего дня они не осмыслены в полной мере. Об этой дискуссии упоминали не раз – и ее непосредственные участники, и те, кто обращался к историографии исследования абсолютизма. К числу наиболее корректных оценок можно, например, отнести мнение, высказанное в 1993 г. А.Н. Медушевским: «Дискуссия об абсолютизме показала, что вопросы складывания предпосылок, утверждения и развития абсолютизма в России вызывают различные трактовки в историографии и нуждаются в дальнейшем изучении»¹. К однозначному выводу о бесполезности этой дискуссии в 1996 г. пришел Ю.А. Сорокин: «Дискуссия 1968–1972 гг. зашла в тупик, историки так и не смогли договориться об определении термина “абсолютизм”... Однако наиболее острыми были споры о причинах возникновения и движущих силах российского абсолютизма, так и не приведшие к выработке единой позиции»². В 1999 г. Сорокин подводит итог споров советских историков: «после 1972 г. изучение теоретических аспектов проблем абсолютизма молчаливо было признано бесперспективным»³. Даже с учетом методологического кризиса конца 1990-х годов такие оценки были упрощенными. На их фоне особенно ценным выглядит мнение о дискуссии

¹ Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России: Сравнительное историческое исследование. М., 1993. С. 24.

² Сорокин Ю.А. О понятии «абсолютизм» // Исторический ежегодник. [Электронный ресурс]. 1996. С. 4–16. URL: <http://metodich.ru/download/istoricheskij-ejegodnik-1996-god-stranici-4-16-omskij-gosudar.doc>. [дата доступа: 06.05.2018].

³ Сорокин Ю.А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII в. Омск, 1999. С. 29.

В.Ю. Захарова, высказанное в 2008 г. Отмечая жесткие методологические рамки дискуссии и ее во многом схоластический характер, Захаров считает, что «дискуссия в целом оказалась достаточно плодотворной. В научный оборот был введен значительный массив новых источников, определены основные подходы к выявлению социальной и политической сущности российского самодержавия, этапов его становления и развития»⁴. Однако это лишь один из ракурсов оценки дискуссии – ее место и роль были значительно масштабнее. Сегодня, когда прошло пятьдесят лет от начала дискуссии, наступил момент по-другому расставить акценты в определении ее значимости – очень многое произошло с тех пор, и «на расстоянии» в полвека дискуссия 1968–1972 гг. предстает в несколько ином свете.

Да, тогда историки не смогли выработать общее мнение о генезисе, социальной базе и определении абсолютизма. Но постараемся ответить лишь на некоторые вопросы. Как возникли обсуждаемые во время дискуссии проблемы? Почему специалистам не удалось прийти к общей позиции? Возможно ли это было в принципе?

Ко времени дискуссии об абсолютизме советские историки уже более четверти века руководствовались тем, что абсолютизм – это дворянское государство, классовая основа которого определялась концепцией «равновесия». В наиболее законченном виде эта концепция была представлена в 1941 г. С.Д. Сказкиным в статье «Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме»⁵.

Приводя развернутые выдержки из классиков марксизма, Сказкин утверждал, что абсолютная монархия возникает в переходные эпохи, когда старые сословия разлагаются, а средневековое сословие горожан складывается в класс буржуазии, и ни одна из спорящих сторон не вышла еще перевеса над другой. По причине такого равновесия сил дворянства и буржуазии государственная власть получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам как кажущаяся посредница между ними⁶. Это была социологическая модель абсолютизма, в которой правовой его аспект был минимизирован. Основой для идеи «равновесия» служили высказывания классиков марксизма. Фактических данных для аргументации зачастую не требовалось. В основу статьи С.Д. Сказкина лег одноименный

⁴ Захаров В.Ю. Абсолютизм и самодержавие: соотношение понятий // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 6. [Электронный ресурс] URL: www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Zakharov/ (дата доступа: 23.11.2018).

⁵ Сказкин С.Д. Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме // Ученые записки Московского гор. пед. ин-та. 1941. Т. 3, вып. 1. С. 3–25.

⁶ Там же. С. 12–13.

доклад, который обсуждался в дискуссии, прошедшей весной 1940 г. в Ученом совете Института истории Академии наук СССР⁷. Итог достаточно бурному обсуждению подвел А.Д. Удальцов: «Доклад т. Сказкина представляет собою, я бы сказал, блестящее изложение взглядов Маркса и Энгельса. Здесь были приведены едва ли не все цитаты, которые характеризуют абсолютную монархию, и они в докладе связаны в красивой, достаточно разработанной форме»⁸. Таким образом, дискуссия 1940 г. завершилась, и была принята общая точка зрения. В 1968–1972 гг. этого не произошло. Почему?

Дискуссия вызревала давно и была индикатором состояния советской исторической науки, испытывавшей на себе, с одной стороны, частичную либерализацию эпохи «оттепели», а с другой – смягченный, но не ослабевающий идеологический контроль. В июне 1965 г. в Москве проходила Всесоюзная дискуссия, посвященная переходу России от феодализма к капитализму. Как показали выступления ее участников, уже тогда было высказано мнение об отсутствии «равновесия» или компромисса между интересами дворянства и купечества в XVII–XVIII вв.⁹

В 1966 г. А.Н. Чистозвоновым была представлена его концепция абсолютизма. Это произошло 8 апреля на объединенном заседании секции «Генезис капитализма» и сектора Средних веков и 11–13 мая на научной сессии в Институте истории Академии наук СССР¹⁰. А.Н. Чистозвонов, ни в коей мере не подвергая сомнению

⁷ Обсуждение проблем абсолютизма проходило в два этапа – на заседаниях 16 марта и 10 апреля 1940 г. Ученого совета Института истории АН СССР. В Архиве Российской академии наук сохранились стенографические отчеты выступлений участников обоих заседаний. Примечательно, что дело озаглавлено «Стенограмма заседания ученого совета института, посвященного обсуждению проблем абсолютизма в Западной Европе в XI–XIII веках» [выделено мной. – Л.Л.]. – Ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 39. Подробное изложение обсуждения проблем абсолютизма в марте–апреле 1940 г. см.: *Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н.* Наука «убеждать...», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е – начало 50-х гг. XX века. Тюмень, 2003. С. 84–104.

⁸ Стенограмма заключительного заседания Ученого совета института, посвященного обсуждению проблем абсолютизма в Западной Европе в XIII–XVII веках 10.IV.40 г. // Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1577. Оп. 2. Д. 39. Л. 96 об.

⁹ Переход от феодализма к капитализму: Материалы Всесоюзной дискуссии / ред. коллегия: В.И. Шунков (отв. ред.) и др. М., 1969. С. 151.

¹⁰ В Отделе западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН, в частично обработанном виде, хранятся стенограмма объединенного заседания 8 апреля 1966 г. и Материалы научной сессии 11–13 мая 1966 г. Материалы майской сессии были изданы в 1969 г. под названием «Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма».

концепцию классиков марксизма, высказался так: «Все эти положения совершенно правильные, и это общесоциологические положения, которые каждый историк должен иметь в виду... Но я не считаю, что они должны накладываться на исторические явления, а тем более одно из этих положений, и превращаться в универсальный ключ, с помощью которого можно раскрыть генезис такого сложного и запутанного явления, как абсолютизм»¹¹. Иными словами, Чистозвонов предлагал перенести акцент с общей схемы «равновесия» на конкретный материал и специфику стран¹². Считая главным критерием развитость буржуазных элементов, он указывал на государства, где развивался собственно абсолютизм (Англия, Франция), и государства с абсолютистскими формами правления (Испания, Австрия, Пруссия, Россия). Во втором случае происходила рецепция абсолютистских порядков и их адаптация к потребностям феодального дворянского государства¹³. Наконец, о российском абсолютизме, концепции «равновесия» и борьбе буржуазии и дворянства тогда же однозначно высказался Н.И. Павленко: «Короче говоря, эта схема, на мой взгляд, к истории России совершенно неприложима»¹⁴.

8–10 апреля 1968 г. на конференции советских и итальянских историков в Москве вопрос абсолютизма обсуждался в качестве основного. То, что серьезная проблема существует и ее необходимо решать, но решать в рамках советской методологии, показал сделанный на конференции доклад Л.В. Черепнина¹⁵. Черепнин начинает свое выступление с обращения к классикам марксизма, однако эта известная методологическая преамбула сопровождается существенными оговорками. «Совершенно очевидно, – отмечает Черепнин, – что Энгельс не рассматривает здесь абсолютизм *специально и всесторонне* [курсив Л.В. Черепнина– Л.Л.]... Он берет здесь

¹¹ Стенограмма объединенного заседания секции «Генезис капитализма» и сектора Средних веков Института истории Академии наук СССР 8 апреля 1966 г. // Архив Института всеобщей истории. Отдел западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени. Л. 11.

¹² Там же. Л. 7, 8.

¹³ Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма: Материалы научной сессии 11–13 мая 1966 г. // Архив Института всеобщей истории. Отдел западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени. Т. 1. Л. 140–143.

¹⁴ Стенограмма объединенного заседания... Л. 44–45.

¹⁵ Черепнин Л.В. К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI–XVIII вв.) // Документы советско-итальянской конференции историков 8–10 апреля 1968 г. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории, Нац. ком. совет. историков; ред. коллегия: акад. С.Д. Сказкин (отв. ред.) и др. М., 1970. С. 11–60.

абсолютизм в уже сложившемся виде...»¹⁶. И далее: «Конечно, *“равновесие”* нельзя понимать как равенство на чашах весов... Это, очевидно, соотношение сил господствующего феодального класса и формирующегося класса буржуазии, оказывающее воздействие на правительство, – соотношение, которое в зависимости от конкретных условий может быть неодинаковым в разных странах и в различные периоды, отчего и абсолютные монархии развиваются по-разному. Лишь в отдельных странах и в определенные эпохи буржуазия в системе абсолютной монархии приближается по своему удельному весу к дворянству [выделено мной. – Л.Л.]»¹⁷.

Этот вывод Л.В. Черепнина был удачным методологическим маневром, расширявшим границы социологической модели. Однако появившиеся возможности таили в себе массу вопросов. Так, если речь идет о «соотношении сил», то что делать с «равновесием»? Упразднить это понятие значило замахнуться на авторитет классиков марксизма.

«Как оценить соотношение старого и нового, феодального и буржуазного?»¹⁸ Этот вопрос, поставленный Л.В. Черепниным, ставит и его оппонент – А.Я. Аврех – в статье, которая начнет дискуссию об абсолютизме: «Гвоздем проблемы является соотношение феодального и буржуазного в природе и политике абсолютной монархии»¹⁹. Таким образом, перед советскими историками встал вопрос определения качественных и количественных граней того, что понималось под словами «феодальное» и «буржуазное». Как это сделать в пределах социологической модели и марксистской методологии? Более того, возможно ли это сделать вообще?

С точки зрения Л.В. Черепнина, абсолютизм в России установился к XVIII в., а с XVI в. можно вести речь о его предпосылках²⁰. При этом Черепнин признает, что в России начала XVII в. не было ни буржуазии, ни буржуазных отношений²¹, ни «равновесия» дворянства и буржуазии²². Но в таком случае социально-экономические процессы в России не вписывались в европейский контекст формирования капитализма. Чтобы этого избежать, Черепнин опять

¹⁶ Там же. С. 13.

¹⁷ Там же. С. 13.

¹⁸ Там же. С. 32.

¹⁹ Аврех А.Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2. С. 82.

²⁰ Документы советско-итальянской конференции историков... С. 17.

²¹ Там же. С. 26.

²² Там же. С. 48.

маневрирует. Он уравнивает понятия, похожие лишь по названию: «Признание термина “новый период” [характеристика В.И. Ленина. – Л.Л.] равнозначным выражению “новая история” [! – Л.Л.] вводит Русское государство (с учетом особенностей его развития) в русло общеисторической периодизации. Россия в то время отставала в своем росте от ряда европейских стран... Однако давали себя чувствовать и новые явления, которые исследователи характеризуют как “ростки капитализма”...»²³. Таким образом, Л.В. Черепнин объединяет и официальное видение проблемы, и то, что не совсем в него вписывается.

На конференции проявили себя и будущие активные участники дискуссии об абсолютизме. Первым выступил Н.И. Павленко, критикуя компромиссное видение проблемы «равновесия» Л.В. Черепниным и делая вывод, что «концепция равновесия существует сама по себе, а факты сами по себе»²⁴.

Такая же позиция по отношению к выступлению Л.В. Черепнина была у А.Я. Авреха. Он видел корень проблемы в желании советских историков представить российский капитализм более ранним, чем тот был на самом деле, и примером такого подхода считал доклад Черепнина. «Зачатки», «ростки», «элементы» капитализма вызвали иронию А.Я. Авреха: «Итак, перед нами совершенно иной подход к исторической реальности, – саркастически замечает Аврех, – если ее нет, она будет, а раз так, то, значит, она есть»²⁵.

Сарказм Авреха был обоснован. Но нужно отдать должное и Черепнину: предлагаемое им было оправданно. Широкое толкование «равновесия» предоставляло больше возможностей для исследований советских историков. Однако теоретический простор требовал фактологического подкрепления. Это безусловное требование было особенно актуально в условиях 1960-х годов, когда, после долгого пренебрежения, была признана важность обращения к историческому источнику. Между тем, обращение к эмпирическому материалу для подтверждения идеи «равновесия» на российской почве не разрешало, а скорее порождало вопросы. Это и было подмечено А.Я. Аврехом: «Таким образом, нам предлагают считать равновесием любое соотношение... Ну, а если это соотношение выражается, как соотношение 100:1...? В том-то и дело, что равновесие – это не просто соотношение, а определенное количественное соотношение,

²³ Там же. С. 30.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 220.

и если его нет, то слова о равновесии – звук пустой... Существование равновесия доказывается при помощи глаголов долженствования. Абсолютной монархии “*приходится* оказывать содействие нарождающейся буржуазии”; “правительство в своей политике *должно* было считаться с запросами буржуазии” и “правительство *не может не считаться* с ними” [курсив мой. – Л.Л.]. Это, собственно, все, чем располагает докладчик для доказательства существования равновесия»²⁶.

Завершая выступление, Аврех изложил свои взгляды на природу абсолютной монархии, в соответствии с которыми абсолютизм в России появился задолго да капитализма и эволюционировал в сторону буржуазной монархии²⁷. В условиях советского историографического канона, даже со ссылками на Ленина, это было вольнодумством. Но это было еще не все.

Выступивший вслед за А.Я. Аврехом И.Ф. Гиндин заявил о существовании двух направлений в советской историографии. Одно из них, господствующее, основывается на признании почти одновременного развития западноевропейского и российского капитализма. Другое, или новое направление, отстаивает идею гораздо более позднего развития российского капитализма, бывшего значительно слабее западноевропейского²⁸. Традиционное направление и самого Л.В. Черепнина Гиндин подверг критике, вплоть до заявления о том, что доклад Черепнина «еще не дотягивает до методологического уровня, который должен бы уже являться эталоном для оценки всех наших работ»²⁹.

Сторонники «нового направления» сразу же получили жесткую отповедь у непререкаемого авторитета советской историографии – академика М.В. Нечкиной. Им были поставлены в вину игнорирование классовой борьбы, базисных оснований абсолютизма, русского революционного движения, динамики в рассмотрении феодализма³⁰. Нужно отметить, что такие споры велись в отношении российского абсолютизма. Западноевропейский же абсолютизм трактовался канонически, в рамках «равновесия» сил дворянства и буржуазии, что было изложено С.Д. Сказкиным в его выступлении³¹. Таким образом, дискуссия об абсолютизме началась гораздо раньше ее официального открытия.

²⁶ Там же. С. 220–221.

²⁷ Там же. С. 222.

²⁸ Там же. С. 224–226.

²⁹ Там же. С. 225.

³⁰ Там же. С. 257, 252, 253.

³¹ Там же. С. 163–166.

Почему традиционная трактовка российского абсолютизма вызвала неприятие А.Я. Авреха? Исследуя внутреннюю политику российской монархии начала XX в., Аврех столкнулся с парадоксом. С одной стороны, ему была очевидна несостоятельность российской буржуазии, не сумевшей вплоть до начала XX в. сформулировать задачи буржуазного развития страны. С другой стороны, специальная литература доказывала обратное. Буржуазия, которую Аврех считал исторически непригодной, выглядела в ней как заявившая о себе уже с XVII в. крупная экономическая и политическая сила³². Что же произошло с российской буржуазией? В своей статье «Российский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России», официально открывшей дискуссию, А.Я. Аврех предложил собственную интерпретацию российского абсолютизма:

– в России не было «равновесия» между дворянством и буржуазией, последней просто не существовало для серьезного противовеса дворянству, которое, наоборот, укреплялось и консолидировалось³³. «Три десятка мануфактур», «два-три десятка купцов-промышленников» – все это, по мнению Авреха, не показатель развития буржуазии и капитализма³⁴;

– абсолютизм, ввиду активности и относительной самостоятельности государства³⁵, способен обеспечивать развитие капитализма³⁶. Таким образом, делает вывод Аврех, образование абсолютистского государства есть политическое выражение образования буржуазных связей³⁷;

– абсолютизм – это такая феодальная монархия, которой при-
суща, в силу ее внутренней природы, способность эволюционировать и превращаться в буржуазную монархию³⁸. Факторами этого являются провозглашаемые «начала законности» и «всенародной пользы»³⁹, рост бюрократии, способность буржуазии приспособляться к феодальным порядкам, а помещиков – к буржуазным⁴⁰;

³² Рахматуллин М.А. К дискуссии об абсолютизме в России // Вопросы истории. 1972. № 4. С. 78.

³³ Аврех А.Я. Русский абсолютизм... С. 88.

³⁴ Там же. С. 91.

³⁵ Там же. С. 90.

³⁶ Там же. С. 98.

³⁷ Там же. С. 92.

³⁸ Там же. С. 89.

³⁹ Там же. С. 92–93.

⁴⁰ Там же. С. 94–95.

– российский абсолютизм подчинил российскую буржуазию, сделав ее экономически и политически зависимой⁴¹, поэтому сила абсолютной монархии в России достигла крайних пределов.

Аврех, в рамках марксизма, выдвигал правомерную идею об активной роли государства, цели и мероприятия которого совсем не обязательно экономически и социально детерминированы. Это было то самое творческое развитие марксизма, которое официально приветствовалось. После, заканчивая дискуссию, Аврех отметил: «В конечном итоге главный смысл моего выступления по вопросу о русском абсолютизме сводится к неприятию вульгарного, упрощенного марксизма»⁴². Однако официальное признание права советского историка на толкование марксизма отличалось от реального.

Что же в концепции Авреха не укладывалось в существующий канон? Во-первых, отрицание самой идеи «равновесия». Во-вторых, Аврех, говоря о самостоятельности государства, вольно или невольно отодвигал роль экономического базиса с безусловно главной позиции. В трактовке Авреха не находилось место и традиционной определяющей роли классовой борьбы. Более того, крестьянство, ввиду его патриархальности, отсталости и царистских иллюзий расценивалось Аврехом как одна из социальных опор абсолютизма⁴³. И уже совершенно выпадало из дискурса советской историографии мнение Авреха о том, что «абсолютизм идет на буржуазные преобразования в силу собственной природы. “Либерализм” в смысле буржуазной по своему существу политики у него, если так позволено выразиться, “в крови”»⁴⁴.

Предложенная А.Я. Аврехом трактовка вызвала далеко не однозначное отношение. Странники «равновесия» – А.М. Давидович и С.А. Покровский⁴⁵, С.М. Троицкий⁴⁶, М.Я. Волков⁴⁷, А.А. Преображенский⁴⁸ – представили две стратегии опровержения идей Авреха.

⁴¹ Там же. С. 102–103.

⁴² Аврех А.Я. Утраченное «равновесие» // История СССР. 1971. № 4. С. 75.

⁴³ Аврех А.Я. Русский абсолютизм... С. 101.

⁴⁴ Там же. С. 95.

⁴⁵ Давидович А.М., Покровский С.А. О классовой сущности и этапах развития русского абсолютизма // История СССР. 1969. № 1. С. 58–78.

⁴⁶ Троицкий С.М. О некоторых спорных вопросах истории абсолютизма в России // История СССР. 1969. № 3. С. 130–149.

⁴⁷ Волков М.Я. О становлении абсолютизма в России // История СССР. 1970. № 1. С. 90–104.

⁴⁸ Преображенский А.А. О некоторых спорных вопросах начального этапа генезиса абсолютизма в России // История СССР. 1971. № 2. С. 108–117.

Одна из них – ссылка на непререкаемый авторитет классиков марксизма. В наибольшей степени это присуще доводам А.М. Давидовича и С.А. Покровского с такой, например, аргументацией: «Знаменитое ленинское определение абсолютизма как формы государства, являющееся классическим по своей точности, глубине и всесторонности, А.Я. Аврех считает недостаточным...»⁴⁹. Оба автора упрощают точку зрения Авреха, обвиняя его в трактовке абсолютизма как буржуазного государства⁵⁰. В меньшей степени, но с сохранением остроты полемики, на классиков марксизма ссылается С.М. Троицкий: «Развивая такую оригинальную концепцию, А.Я. Аврех несколько не смущается тем, что еще более 50 лет назад Ф. Энгельс в “Анти-Дюринге” подверг резкой критике сходные воззрения...»⁵¹. Троицкий недоумевает, «почему это вдруг феодальное государство, каким была абсолютная монархия, при полном отсутствии элементов капитализма в хозяйстве страны начинает проводить буржуазную политику»⁵².

Другой моделью аргументации были построения оппонентов А.Я. Авреха, основанные на нарративном материале. Их цель – создать панораму достаточно развитых для возникновения абсолютизма буржуазных отношений в России XVII – начала XVIII в. Это демонстрируют выступления в дискуссии М.Я. Волкова⁵³ и А.А. Преображенского⁵⁴. Торговля, купечество, посадские люди, работающие по найму, тракуются Волковым как однозначно буржуазные явления⁵⁵, а сочинения игумена Андреевского монастыря старца Авраамия – как программа буржуазных реформ⁵⁶.

Приводимый фактический материал, однако, породил массу вопросов. Если имеется некое «равновесие», то где его мерило? Торговля – это показатель именно буржуазных отношений? Где подтверждение требований купечества, которые можно было бы считать буржуазными? Ощущало ли себя российское купечество буржуазией в европейском смысле слова? Российские мануфактуры на крепостном труде – явление буржуазное или феодальное?

⁴⁹ Давидович А.М., Покровский С.А. Указ. соч. С. 58.

⁵⁰ Там же. С. 60.

⁵¹ Троицкий С.М. Указ. соч. С. 133.

⁵² Там же.

⁵³ Волков М.Я. Указ соч. С. 90–104.

⁵⁴ Преображенский А.А. Указ. соч. С. 109–117.

⁵⁵ Волков М.Я. Указ. соч. С. 93–94.

⁵⁶ Там же. С. 98–99.

Н.И. Павленко совершенно не случайно призывал обращаться к фактам: «Роль противовеса феодалам буржуазия способна выполнять лишь в том случае, когда она выступает против феодальных порядков, когда она покушается на феодальные отношения... Социальные силы, разумеется, нельзя взвешивать на аптекарских весах. Но сторонники тезиса “противовеса” должны располагать значительными фактами, подтверждающими декларируемый ими тезис о том, что русское купечество XVII – первой половины XVIII в. противопоставляло себя дворянству. Между тем известен единственный случай, когда в 1662 г. гости, торговые люди... при экстраординарных обстоятельствах катастрофического падения курса денег сетовали на то, что “ныне всякими большими и лутчими промыслами и торгами владеют и промышленяют духовный и воинский и судебный чин”»⁵⁷. Эти аргументы Н.И. Павленко высказал в 1970 г.

Однако так было не всегда, и сопоставление подхода к фактам в 1970 г. и оценки роли фактов в 1940 г., когда обсуждалась проблема абсолютизма, демонстрирует разительные изменения. В 1940 г. С.Д. Сказкин, выступая против В.В. Бирюковича, призывавшего «броситься совершенно в открытое море фактов», назвал этот метод «совершенно неправильным». На вопрос Бирюковича «Почему?» был дан такой ответ: «Потому что, когда мы оперируем действительными фактами,.. мы тем самым исходим из определенных принципиальных понятий... Нам обязательно при рассмотрении исторических фактов нужно осмыслить, как эти вопросы рассматривались Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным. В частности, в данном случае мы должны выявить их точку зрения на такие вопросы, как вопросы абсолютной монархии, государства и т.д. Мне кажется, что при рассмотрении таких сложных и глубоко теоретических вопросов, мы прежде всего должны исходить из их мыслей на данный предмет»⁵⁸.

Очевидно, что эпоха «оттепели», обращение к источникам, признание приоритета фактов и возможности более свободного толкования классиков марксизма сыграли свою роль. Выявились, что социологический подход не безграничен, что факты не укладываются в схему. Н.И. Павленко правомерно указывал на трудность изучения социально-экономических процессов, на то, что «они развивались медленно,

⁵⁷ Павленко Н.И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России // История СССР. 1970. № 4. С. 63.

⁵⁸ Стенограмма заключительного заседания Ученого совета института, посвященного обсуждению проблем абсолютизма в Западной Европе в XIII–XVII вв. 10.IV.40 г. // Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1577. Оп. 2. Д. 39. Л. 86 об.

качественные грани между отдельными явлениями подчас неуловимы, а ограниченная источниковая база исследований не всегда дает основания для изучения явлений, скрытых от глаз исследователя»⁵⁹.

Подвергая критике и контраргументации выступления своих коллег, в разной степени являющихся сторонниками идеи «равновесия», Н.И. Павленко считал, что «торжество крепостничества, равно как и абсолютизма, это торжество дворянства, противостоявшего крупным светским и духовным феодалам. Особенность российского абсолютизма состояла в том, что он возник на базе противоборства сил внутри одного класса-сословия»⁶⁰.

И.А. Федосов, поддержавший А.Я. Авреха в признании буржуазных тенденций в политике абсолютизма, продемонстрировал это на примере «просвещенного абсолютизма» в России⁶¹ и заменил смысловое наполнение понятия «равновесие». По его мнению, «равновесие – это не равенство сил двух классов, а такой уровень социально-экономического развития, при котором четко проявляются различные тенденции этого развития, такое состояние общества, когда государственная власть получает возможность противопоставлять одни социальные слои... другим слоям...»⁶². Расширенная интерпретация идеи «равновесия» высказывалась и А.Н. Сахаровым, считавшим, что «равновесие» и связанная с ним независимость власти – это, согласно Энгельсу, момент исключительный⁶³.

Таким образом, историографическая реальность показала, что понимание «равновесия» в начале 1970-х существенно отличалось от такового в 1940 г.

Альтернативная интерпретация генезиса российского абсолютизма, кроме проблемы соответствия идеям классиков марксизма, включала еще один аспект. Должна ли Россия идти по пути Европы или она самобытна, в том числе в своих государственных институтах? Марксизм однозначно включал историю России в общеевропейскую. Акцентирование же внимания на российской специфике могло иметь далеко идущие уже не научные, а политические последствия. Речь шла о внимании к почвенничеству, евразийству и другим

⁵⁹ Рахматуллин М.А. Указ. соч. С. 82.

⁶⁰ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 74.

⁶¹ Федосов И.А. Просвещенный абсолютизм в России // Вопросы истории. 1970. № 9. С. 34–35.

⁶² Федосов И.А. Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма // Вопросы истории. 1971. № 7. С. 50.

⁶³ Сахаров А.Н. Исторические факторы образования русского абсолютизма // История СССР. 1971. № 1. С. 115.

подобным, однозначно не приветствуемым в СССР идейным направлениям, акцентировавшим внимание на российской самобытности и ставившим закономерность российских революций под сомнение.

Точка зрения А.Я. Авреха нашла поддержку, хоть и в разной степени, у Н.И. Павленко, А.Л. Шапиро⁶⁴, М.П. Павловой-Сильванской⁶⁵, А.Н. Чистозвонова⁶⁶.

М.П. Павлова-Сильванская более других развила тезис о неприложимости к России западноевропейских моделей формирования абсолютизма, опираясь на сравнительно-исторические выводы классиков марксизма⁶⁷. Россия, по ее мнению – это вариант азиатской деспотии, складывающейся на основе натурального хозяйства, общинной организации деревни, закрепощения крестьян и перехода к внешней экспансии⁶⁸.

Сравнительно-исторический подход в максимальной мере применил А.Н. Чистозвонов. Считая генезис капитализма синтезирующей чертой формирования абсолютной монархии, обращая особое внимание на разнообразие форм надстройки, конкретное соотношение социальных сил и роль внешнеполитического фактора, А.Н. Чистозвонов указывал на абсолютизм в собственном смысле слова (англо-французский вариант), и абсолютистские формы правления (австро-прусско-русский вариант). Испанский вариант расценивался как модификация второго типа либо как промежуточный. Критерием выраженности черт абсолютизма было развитие капитализма и перевес буржуазии. Для государств первой группы «равновесие» приемлемо, в государствах второй группы происходила, в местных условиях, рецепция абсолютистских порядков⁶⁹.

А.Н. Чистозвонов предложил также весьма удачное в то время определение абсолютизма, который «есть политическая надстройка позднего феодализма, переходного периода, когда феодальная формация начинает разлагаться под влиянием буржуазных отношений. Власть монарха в этих условиях становится более или менее неограниченной (абсолютной) и приобретает известную самостоятельность действий по отношению к господствующему классу феодалов

⁶⁴ Шапиро А.Л. Об абсолютизме в России // История СССР. 1968. № 5. С. 69–82.

⁶⁵ Павлова-Сильванская М.П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России // История СССР. 1968. № 4. С. 71–85.

⁶⁶ Чистозвонов А.Н. Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 46–62.

⁶⁷ Павлова-Сильванская М.П. Указ. соч. С. 78–81.

⁶⁸ Там же. С. 82.

⁶⁹ Чистозвонов А.Н. Некоторые аспекты... С. 58–62.

или обоим борющимся классам (феодалам и буржуазии в широком смысле слова) в целом. Абсолютный монарх опирается на постоянную армию, подвластный ему лично управленческий аппарат (бюрократию), систему постоянных налогов и подчиняет своей политике церковь»⁷⁰.

Сторонники альтернативного понимания генезиса абсолютизма – А.Н. Чистозвонов, А.Я. Аврех, М.П. Павлова-Сильванская и А.Д. Люблинская – в пылу полемики обвинялись не только в пренебрежительном отношении к классикам марксизма и неверных научных выводах. Один из наиболее сильных выпадов в отношении них был сделан С.М. Троицким. В статье, направленной в основном против Чистозвонова, Троицкий обвинил его в следовании концепции Милюкова⁷¹, что было весьма небезопасно для советского историка. Чистозвонов ответил заметкой в пять страниц⁷², на четырех из которых разъяснял свою точку зрения и опровергал построения Троицкого⁷³.

В еще большей степени ощутил идеологический нажим А.Я. Аврех. Уже на советско-итальянской конференции, когда он высказал тезис о крестьянстве, поддерживавшем абсолютизм ввиду своей патриархальности и отсталости, он получил жесткое предупреждение М.В. Нечкиной, усмотревшей в этом отголоски официальной идеологии самодержавия⁷⁴.

Как вспоминал впоследствии коллега А.Я. Авреха Р.Ш. Ганелин, после дискуссии об абсолютизме А.Я. Аврех и его коллеги оказались причисленным к «новому направлению» и обвинялись в пересмотре традиционных представлений о предреволюционной России. Вскоре осуществилось и предупреждение М.В. Нечкиной. Тезис Авреха о крестьянстве как массовой опоре царизма до 1905 г. был перетолкован в утверждение о том, что царизм выражал интересы крестьянства. Ученый совет Института истории СССР АН СССР отменил в 1974 г. принятое решение о рекомендации к печати монографии А.Я. Авреха «Царизм и IV Дума», и книга вышла со значительным опозданием⁷⁵ [в 1981 г. – Л.Л.]. В 1975 г. была издана монография

⁷⁰ Там же. С. 62.

⁷¹ Троицкий С.М. Указ. соч. С. 137–139.

⁷² Чистозвонов А.Н. К дискуссии об абсолютизме в России // История СССР. 1971. № 3. С. 72–76.

⁷³ Там же. С. 72–75.

⁷⁴ Документы советско-итальянской конференции историков... С. 257.

⁷⁵ Ганелин Р.Ш. Творческий путь А.Я. Авреха // История СССР. 1990. № 4. С. 109.

А.М. Давидовича «Самодержавие в эпоху империализма: (классовая сущность и эволюция абсолютизма в России)». В ней концепция А.Я. Авреха и его единомышленников названа методологически ошибочной и страдающей принципиальными недостатками⁷⁶. Описанные коллизии были проявлением реакции научного сообщества, конвенциональная и идеологическая устойчивость которого оказалась поколебленной. Однако очевидно, что принимаемые в отношении «возмутителей спокойствия» меры все же были гораздо мягче, нежели в предшествующие десятилетия, и это было показательно. Не менее важным было и признание того, что существование различных точек зрения – это нормально.

Дискуссия была знаковым явлением. Она выявила всю сложность назревших проблем и узость социологической модели абсолютизма. Оказалось, что категории «феодального» и «буржуазного» расплывчаты, что весьма трудно провести грань между ними и оценить их количественные и качественные составляющие. Более того, и приводимые факты вряд ли могли дать ответы на интересующие вопросы, так как, в конечном счете, речь шла о проблеме интерпретации данных источника. Существенные ограничения в обсуждении накладывали и методологические рамки. Можно ли было в такой ситуации требовать решения проблем и принятия единой точки зрения? Ответ может быть только отрицательным.

При более масштабном осмыслении дискуссии очевидно, что она вышла за пределы ее темы и подняла более глубокий пласт вопросов. Это соотношение факта и теории, общего и особенного, источника и его интерпретации, количественных и качественных методов исследования. Применительно к российскому абсолютизму встали проблемы уже идеологического характера. В чем заключалась специфика российской монархии, а шире – социально-политического развития? Достаточно ли зрелым был российский капитализм? Насколько закономерной была Октябрьская революция? Поставленные вопросы указывали на границы дискуссии, которые, по понятным причинам, не могли быть нарушены.

Однако было бы неверно видеть проблему результативности дискуссии лишь в специфике советской историографии. В послевоенные десятилетия в Европе и США наблюдался очередной взлет социальной истории. Как форма исторического исследования, направление, совокупность субдисциплин⁷⁷, она была альтернативой

⁷⁶ Давидович А.М. Самодержавие в эпоху империализма: (классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). М., 1975. С. 18–19.

⁷⁷ Ретина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 9, 13, 14.

событийному историописанию и развилась на волне научно-технической революции, разработке новых теорий и моделей, технических приемов и методов верификации⁷⁸. Социальная история, по определению Л.П. Репиной, «выдвинула задачу интерпретации исторического прошлого в терминах социальности, описывающих внутреннее состояние общества, а также отдельных его групп и отношений между ними»⁷⁹. Направленность социальной истории не могла не вызвать интереса у советских исследователей, которые, обратившись к источникам, стали применять методы статистического анализа. То, что между советскими и западными историками существовали идейные расхождения, разумеется, было важно, однако не настолько, чтобы советская историография отвергала построенные социологические модели.

Однако к началу 1970-х годов подходы социальной истории достигли своего предела. Формализация и анализ социальных процессов приводили к аннигиляции социальных макрогрупп, зашел в тупик спор о классах и сословиях⁸⁰, распадалось комплексное восприятие исторического материала. П.Ю. Уваров следующим образом сформулировал «приговор всему социально-структурному направлению»⁸¹: это «погоня за “объективным” при пренебрежении к “субъективному”, т.е. к тому, как общество мыслило себя само; игнорирование творческой способности исторических лиц; реификация категорий, создаваемых историком, казалось бы, для служебных целей; недооценка сложности процесса исторического познания»⁸². «Те, кто больше всех считали и высчитывали, осознали, что исторической объективности нет, и что историк сам конструирует свои факты»⁸³ — эти слова, написанные в 1971 г. представителем школы «Анналов» Ф. Фюре, подвели черту под очередной попыткой создать универсальную методологию.

Советский историк, даже если и задумывался о чем-либо подобном, никогда бы не смог это высказать и тем более напечатать. С позиций диалектического материализма, процитированное выше было воплощением упадка буржуазной науки. Тем не менее, кризис социологического подхода был и в советской историографии, и дис-

⁷⁸ Там же. С. 14–15.

⁷⁹ Там же. С. 15.

⁸⁰ Уваров П.Ю. Франция XVI в.: Опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004. С. 39.

⁸¹ Там же. С. 40.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

куссия об абсолютизме – этому подтверждение. Таким образом, дискуссия 1968–1972 гг. должна рассматриваться шире – как системное явление в контексте развития европейской историографии. С этой точки зрения требовать от участников дискуссии выработки единой эффективной позиции было и вовсе утопично. Другое дело, насколько отдавали себе в этом отчет советские историки.

В данном контексте дискуссия 1968–1972 гг. предстает в новом качестве, существенно меняющем ее оценку. Несмотря на то, что социологическая модель абсолютизма достигла кризиса, она в ходе дискуссии была откорректирована и получила ресурс дальнейшего развития, что было продемонстрировано разработкой проблематики абсолютизма в последующее десятилетие. Все указанное ни в коей мере не позволяет расценивать дискуссию 1968–1972 гг. как неэффективную. Наоборот, был достигнут максимум возможного в имеющихся условиях.

Более того, в ходе дискуссии были предложены перспективные направления и проблемное поле исследований. Сам факт признания того, что идея «равновесия» неприменима к России, был в известной мере прорывом, а понимание «равновесия» как просто некоего баланса сил дало простор для научного поиска, пусть и в рамках официального дискурса. Нельзя переоценить и предложенных во время дискуссии сравнительно-исторического подхода, типологического рассмотрения абсолютных монархий, новых вариантов определения абсолютизма. Было обращено внимание на необходимость изучения политических институтов и учета личных качеств носителей власти.

Представляется, что в свете сказанного отсутствие итоговой единой точки зрения не выглядит серьезным аргументом в снижении результатов дискуссии даже с позиций советской историографии. А ведь именно это традиционно было ведущим аргументом в ее обесценивании. Замечание о том, что историки так и не смогли прийти к единой точке зрения, стабильно высказывалось как в советские, так и в постсоветские годы. Это выглядит тем более странно, что дискуссия изначально предполагает обмен мнениями и право исследователя на собственное видение проблемы, а с 1990-х годов вряд ли нужно было в принципе это доказывать.

Жизнеспособность предложенных в рамках дискуссии решений не только проявилась в последующие десятилетия в расширении спектра исследований и возможности методологического маневра. Радикальные изменения в историографии, начавшиеся со второй половины 1980-х годов упразднили концепцию «равновесия» в модификации советской историографии, однако социологический подход

все же сохранился, несмотря на утрату им доминирующих позиций и исчезновение ссылок на классиков марксизма. Это еще раз доказало уместность дискуссии, сигнализировавшей о целом ряде проблем. Часть из них получила развитие и разрешение на протяжении последних десятилетий, в том числе путем значительного роста и дробления тематики исследований и изменения ценностного подхода к абсолютизму. Фоном для этого стали распад целостности истории, ревизия понятий, возрастание релятивизма в исторической науке, что, в известной мере, дало позитивный результат. Это было естественно – развитие предполагает кризисы, чему все мы свидетели. Однако в равной степени естественен и обратный процесс – синтез и самоорганизация научного знания, создание некоей упорядоченной исторической картины. Естественно, этот синтез относителен. Но не менее относительно и разнообразие предлагаемых версий.

Применительно к абсолютизму речь идет о создании его теоретической модели, верификации терминов, панорамном исследовании государственных институтов Европы раннего Нового времени на основе компаративного подхода. В связи с отказом от концепции «равновесия» в том виде, в каком она была сформулирована советскими историками, все же необходимо отметить, что социологический аспект в интерпретации абсолютизма не может быть отвергнут вообще. Это было бы неверно как с позиций плюралистической методологии, так и в отношении содержания собственно исторического нарратива. Абсолютизм представляет собой этап развития государства раннего Нового времени, когда общество имело переходный характер от традиционного к индустриальному. Соответственно, налицо сложность его социальной структуры, что бы ни понималось, с учетом последних представлений, под «буржуазией» и «дворянством». В силу этого учет явлений баланса, равновесия, соотношения сил, социальной динамики и статики, наконец, гомеостаза новоевропейского общества неизбежен для понимания государства, направляющего его функционирование.

Создание новой интегративной теоретической модели европейского абсолютизма, включающей различные его аспекты, активизация сравнительно-исторического метода, переосмысление терминологии с учетом имеющихся корректив представляется перспективной задачей ближайших десятилетий. Эти подходы предоставят возможность нового уровня обобщения и понимания проблематики абсолютизма и еще ожидают нашего обсуждения.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аврех А.Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2. С. 82–104.

Аврех А.Я. Утраченное «равновесие» // История СССР. 1971. № 4. С. 60–75.

Волков М.Я. О становлении абсолютизма в России // История СССР. 1970. № 1. С. 90–104.

Ганелин Р.Ш. Творческий путь А.Я. Авреха // История СССР. 1990. № 4. С. 102–112.

Давидович А.М. Самодержавие в эпоху империализма: (классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). М., 1975.

Документы советско-итальянской конференции историков 8–10 апреля 1968 г. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории, Нац. ком. совет. историков; ред. коллегия: акад. С.Д. Сказкин (отв. ред.) и др. М., 1970.

Захаров В.Ю. Абсолютизм и самодержавие: соотношение понятий // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 6. [Электронный ресурс] URL: www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Zakharov/ (дата доступа: 23.11.2018).

Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Наука «убеждать...», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е – начало 50-х гг. XX века. Тюмень, 2003.

Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России: Сравнительное историческое исследование. М., 1993.

Павленко Н.И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России // История СССР. 1970. № 4. С. 54–74.

Павлова-Сильванская М.П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России // История СССР. 1968. № 4. С. 71–85.

Переход от феодализма к капитализму: материалы Всесоюзной дискуссии / ред. коллегия: В.И. Шунков (отв. ред.) и др. М., 1969.

Преображенский А.А. О некоторых спорных вопросах начального этапа генезиса абсолютизма в России // История СССР. 1971. № 2. С. 108–117.

Рахматуллин М.А. К дискуссии об абсолютизме в России // Вопросы истории. 1972. № 4. С. 65–88.

Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009.

Сахаров А.Н. Исторические факторы образования русского абсолютизма // История СССР. 1971. № 1. С. 110–126.

Сорокин Ю.А. О понятии «абсолютизм» // Исторический ежегодник. 1996. С. 4–16. [Электронный ресурс]. URL: <http://metodich.ru/download/istoricheskij-ejegodnik-1996-god-stranici-4-16-omskij-gosudar.doc> (дата доступа: 06.05.2018).

Сорокин Ю.А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII в. Омск, 1999.

Сказкин С.Д. Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме // Ученые записки Московского гор. пед. ин-та. 1941. Т. 3, вып. 1. С. 3–25.

Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма: Материалы науч. сессии, состоявшейся в Москве 11–13 мая 1966 г. М., 1969.

Троицкий С.М. О некоторых спорных вопросах истории абсолютизма в России // История СССР. 1969. № 3. С. 130–149.

Уваров П.Ю. Франция XVI в.: Опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004.

Федосов И.А. Просвещенный абсолютизм в России // Вопросы истории. 1970. № 9. С. 34–55.

Федосов И.А. Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма // Вопросы истории. 1971. № 7. С. 46–65.

Черепнин Л.В. К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI–XVIII вв.) // Документы советско-итальянской конференции историков 8–10 апреля 1968 г. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории, Нац. ком. совет. историков; ред. коллегия: акад. С.Д. Сказкин (отв. ред.) и др. М., 1970. С. 11–60.

Чистозвонов А.Н. Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 46–62.

Чистозвонов А.Н. К дискуссии об абсолютизме в России // История СССР. 1971. № 3. С. 72–76.

Шапиро А.Л. Об абсолютизме в России // История СССР. 1968. № 5. С. 69–82.